

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XIX В.

Прасолов Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», dmprasolov@gmail.com

В статье рассматриваются историографические аспекты проблемы становления народных сборов (съездов доверенных), как представительного института кабардинцев и балкарцев XIX – начала XX в. Выявлено определяющее влияние на научную репрезентацию этого процесса работ В.Х. Кажарова и Ж.А. Калмыкова. Под их влиянием в литературе утвердилось мнение о преемственности между хасой – сословно-представительным собранием феодальной Кабарды, и съездом доверенных. Ввиду отсутствия в предшествующей историографии достаточной аргументации этой точки зрения, в настоящей статье приводятся данные, позволяющие обосновать организационную преемственность представительных институтов, но при этом внести некоторые уточнения в интерпретацию деятельности народных сборов до 70-х гг. XIX в.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, Российская империя, народные сборы, съезды доверенных, хаса.

Одним из результатов включения кабардинцев и балкарцев в административно-политическое пространство Российской империи стало формирование у них во второй половине XIX – начале XX в. самобытной системы местного самоуправления. Она включала в себя институты управления сельских обществ и связанные с ними сборы (съезды) доверенных, которым общинные сходы делегировали полномочия обсуждать разнообразные вопросы окружной жизни.

Ж.А. Калмыков в 1981 г. в первом специальном исследовании съезда доверенных писал о том, что «исторически ему предшествует общенародный орган, публичная власть, называемая у кабардинцев – Хаса и у балкарцев – Халкъны джыйлу»¹. В 1992 г. было опубликовано исследование В.Х. Кажарова о хасе, как сословно-представительном собрании в традиционном адыгском обществе². Автор считает последним упоминанием о хасе предписание начальника Центра Кавказской линии от 25 августа 1826 г. об установлении порядка проведения народных собраний близ крепости Нальчик только с разрешения и при участии начальника Кабардинской линии. По мнению В.Х. Кажарова, это распоряжение свидетельствовало об окончательной потере хасой значения высшего законодательного и распорядительного органа Кабарды и превращении ее в совещательный орган при царской военной администрации. Автор убежден, что хаса и в таком виде «не устраивала русское правительство. Военно-оккупационный режим был в принципе не совместим с политическим институтом, который хотя бы отдаленно напоминал о былой ее независимости. Поэтому закономерно, что в последующее время отсутствуют какие-либо сведения о созыве сословно-представительных собраний в Кабарде»³.

В монографии 1995 г. Ж.А. Калмыков сначала указывает, что съезд доверенных, «как общественно-политический орган управления Кабардой и Горскими обществами, был создан в результате буржуазных реформ, проведенных в середине XIX века на Северном Кавказе». Однако далее поясняет, что исторически ему предшествовал

период, когда традиционные народные собрания – хаса, как законодательные органы дублировались и вытеснялись «при поддержке военных властей», теряли свои законодательные функции, но с окончанием Кавказской войны получили новое название – съезд доверенных. При этом автор ссылается на сведения из статьи Г. Баева о том, что «народные сборы являются одним из самых старейших институтов, которые сохранились до сих пор у одних только кабардинцев»⁴, хотя осетинский публицист писал об этом в 1905 г. В заключении своей книги Ж.А. Калмыков прямо утверждает преемственность в деятельности хасы и съездов доверенных, хотя и отмечает, что во второй половине XIX в. съезд доверенных претерпел существенные изменения. Главное из них – это «утрата им законодательных функций»⁵.

Таким образом, Ж.А. Калмыков декларирует преемственность хасы и съезда доверенных, однако не аргументирует свою точку зрения сопоставлением признаков двух общественных институтов. Также автор не последователен в объяснении противоречий между колониальной искусственностью и традиционной преемственностью съездов доверенных. Тем не менее, в работе 2012 г. В.Х. Кажаров отчасти откорректировал недосказанность мнения Ж.А. Калмыкова, выразив убеждение, что ему удалось «доказать генетическую преемственность между ... съездами и сословно-представительными собраниями феодальной Кабарды». Несмотря на ограниченность функций, «они стали своеобразным способом сохранения государственно-политической традиции кабардинцев, хотя и в весьма трансформированном и ограниченном виде»⁶.

Однако именно первоначальная статусная неопределенность, оставленная Ж.А. Калмыковым, впоследствии отразилась в других работах, где упоминалось о съездах доверенных, на что в 2003 г. обратил внимание Х.С. Кушхов⁷. По словам Г.Х. Мамбетова, «во второй половине XIX – начале XX вв. после проведения административной реформы в Кабарде и Балкарии уже не созывались съезды князей и уорков, а также хаса, был создан институт «Съезд доверенных сельских обществ Кабарды и Балкарии»⁸. Е.Г. Битова пишет, что в 60-х г. XIX в. на Северном Кавказе «воссоздавался» Съезд доверенных сельских обществ и, по мнению некоторых исследователей, «исторически ему предшествовал общенародный орган, публичная власть, генетически связанная с архаической школой парламентской власти этих народов (например, у кабардинцев такой орган назывался хаса, у балкарцев – тере)»⁹.

В очерке «Балкария» М. Абаев заложил основы историографической традиции, в которой «тере» понималось как народный суд с участием представителей таубиев, узденей и при некоторых делах – крестьян, который при необходимости учреждал новые нормы обычного права. Здесь же отмечалось, что после 1870 г. «тере» были заменены Горскими словесными судами¹⁰. В монографии 2007 г. Е.Г. Муратова (Битова) называет «неоправданной модернизацией» определение Х.Х. Малкондуевым «тере» как формы выборного народного парламента¹¹. Принимая во внимание отмеченные положения, можно считать, что необходимость дальнейшего обсуждения проблемы преемственности тере с народными собраниями (съездами доверенных) можно считать исчерпанной.

Т.Х. Кумыков связывал появление этого института с проведением на Северном Кавказе крестьянской и административно-судебной реформ. Он пишет, что их следствием стало «учреждение «Съезда доверенных» Кабарды и Балкарии как общественного органа местного управления, который выполнял функции законодательного собрания. Но, по сути, съезд был совещательным органом»¹². М.В. Дышеков пишет о том, что Съезд доверенных «появился на основе народного собрания кабардинцев Хасы. Царское правительство стремилось превратить Хасу в инструмент своей политики. Законченное оформление эта тенденция нашла в Съезде доверенных, который был создан по инициативе администрации. Этот орган уже полностью был подчинен начальнику Терской области»¹³.

О деятельности съездов доверенных в более широком региональном контексте обычно приводятся фрагментарные характеристики со ссылками на работы

Ж.А. Калмыкова. Рассматривая историю обсуждения вопроса о введении земств на Кавказе, Л.Ш. Мачукаева приводит краткие суждения о съезде доверенных Большой и Малой Кабарды, отмечая, что по кругу решаемых задач они были схожи с земствами в центральной России¹⁴. П.А. Кузьминов пишет, что в ходе административных преобразований на Северном Кавказе «воссозданы были и такие важные законодательные органы власти на местах, как сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ, решавшие простые хозяйственные, но такие важные для сельского труженика, вопросы»¹⁵.

В 2003 г. некоторые недостатки характеристик съездов доверенных в историографии были рассмотрены в статье Х.С. Кушхова. Полемизируя с предшествующими исследователями, он справедливо указывает на то, что «все авторы, утверждавшие преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ, не давали даже самого общего сравнительного анализа этих институтов. А между тем ни по принципам формирования (Съезд составлялся из 1–3-х доверенных, избравшихся в каждом сельском обществе), ни по структуре (часто включал равное представительство от привилегированных сословий и крестьян, причем, как от кабардинских, так и балкарских сельских обществ), ни по регламенту деятельности (работал строго раз в год, санкционировался местной администрацией и согласовывал с ней повестку дня и принимаемые решения), Съезд не имел ничего общего с Хасой». Х.С. Кушхов убежден, что Съезд «был искусственным учреждением, обеспечивавшим ограниченное представительство коренного населения в решении ряда вопросов местной жизни»¹⁶. Не находя признаков, «по которым допустимо утверждать преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ», автор видит в них имитацию, которая представляла некоторую видимость действия прежних политических традиций, облегчавших поэтапную унификацию административного уклада Кабарды с общероссийскими порядками»¹⁷.

Одной из причин неочевидности преемственности народных сборов (съездов доверенных) может быть модернизация и завышение статусных характеристик представительного органа феодальной Кабарды. В статье 2009 г. Ю.М. Азикова, рассмотревшая политическую организацию феодальной Кабарды в рамках концепции «раннего государства», определяет хасу как коллегиальный полифункциональный орган, интегрировавший корпоративное управление Кабардой господствующим слоем князей и дворян. Она отметила сомнительность представлений о возможности самостоятельного рассмотрения законодательных функций хасы ввиду слабо дифференцированной специализации в политической сфере традиционного кабардинского общества. Автор обоснованно возражает и по поводу интерпретации фактов приглашения «старшин черного народа» для информирования о решениях господствующих сословий, как свидетельства появления третьей палаты¹⁸.

С учетом таких институциональных параметров представляется, что главным изменением в деятельности представительного института в контексте российского государства стало постепенное расширение интеграции хасы со структурами имперского управления Кабардой. Тем самым военные власти налаживали каналы взаимодействия с княжеско-дворянской элитой, которые институционально были имманентны традиционной политической культуре кабардинцев. Этот процесс начался еще с конца XVIII в. при учреждении и организации выборов в Родовые суды и расправы, ставшие первыми судебными органами Российской империи в Кабарде. В.Х. Кажаров приводит ряд сообщений об успешных и неудачных попытках военных властей созывать «общие собрания» в период усиления антиколониального движения в Кабарде в первом десятилетии XIX в.¹⁹ Вероятно, к результатам этих мероприятий можно отнести принятие 10 июля 1807 г. «Народного условия...». Оно стало регламентом духовных судов – мехкеме, учрежденных коронными властями по просьбам кабардинцев взамен Родовых судов и

расправ²⁰. Обновленный судебно-административный порядок свидетельствовал о достижении на данном этапе интеграционного компромисса между кавказскими властями Империи и кабардинской элитой. После упразднения в 1822 г. генералом А.П. Ермоловым мехкеме «народные собрания» продолжали созываться при крепости Нальчик и в присутствии начальника Кабардинской линии во второй четверти XIX в.

Основными параметрами, по которым можно было бы отметить преемственность между хасой и народными сборами в переходный период (20–70-е гг. XIX в.), являлся их сословный характер и территориальное представительство. В.Х. Кажаров приводит данные XVIII в. об участии на хасе с правом голоса всех князей и дворян – аульных владельцев²¹, а с 1760-х гг. – «старшин черного народа», называя их «третьей палатой кабардинского феодального парламента». Последние выражали интересы «зажиточной верхушки вольноотпущенников и оброчных крестьян» и скорее всего назначались своими владельцами, что в какой-то мере должно было компенсировать отсутствие в Кабарде сельского крестьянского самоуправления²². По территориальной разновидности хасы проводились как удельные, фамильные, общекабардинские и даже «межплеменные» собрания²³.

О составе народных сборов 1820 – 1850-х гг. мы не располагаем источниками. В документе 1848 г. упоминается о проведении сбора «владельцев аулов и почетных стариков»²⁴. Только с 1860 г. сборы доверенных приобрели регулярный характер и более определенную регламентацию. В инструкции к созыву сборов доверенных определялись уточненные критерии территориального и сословного представительства – 2–3 выборных от каждого кабардинского селения²⁵. От балкарских обществ вызывали «с каждого ущелья по два таубия и по два каракиша»²⁶. После освобождения зависимых сословий принцип представительства конкретизировался по традиционному сословному статусу. Например, 25 ноября 1874 г. начальник округа распорядился «избрать по три доверенных лица от каждого общества одного из князей и узденей 1-й степени, другого из узденей 2-й степени и третьего из вольноотпущенников и бывших временнообязанных, которые с письменными доверенностями от обществ должны прибыть в окружное управление непременно к 15 числу будущего декабря месяца для обсуждения общественных дел и наделения землею и для выбора депутатов в Нальчикский горский словесный суд для заседания на будущий 1875 г.»²⁷. Формальный сословный ценз соблюдался до конца 1870-х гг. Если же князей в селении не было, то избиралось по два доверенных: от узденей и «простого народа»²⁸.

С начала 1880-х гг. избрание доверенных на съезд уже не содержало официальных признаков сословного представительства и определялось только территориальным цензом – по два от кабардинских селений и каждого из пяти горских обществ, а также от новообразованных балкарских селений Гунделен и Хасаут.

Таким образом, организационная преемственность хасы и народных сборов (съездов доверенных) обеспечивалась прежде всего сохранением принципов сословного и территориального представительства, которые были расширены привлечением доверенных балкарских обществ. При очевидной организационной преемственности с хасой, функционально деятельность народных сборов осуществлялась уже совершенно в ином административно-политическом контексте. Со второй четверти XIX в. представительные собрания были переориентированы на обеспечение имперского управления Кабардой при участии выборных от самих кабардинцев. Поэтому их деятельность необходимо обозначать как отдельный этап в эволюции представительных традиций. Конкретизация и постепенное развитие выборных и хозяйственно-распорядительных функций сделали сборы доверенных самобытным институтом самоуправления кабардинцев и балкарцев. Несомненно, опыт взаимодействия российских властей с народными сборами сыграл определенную роль при организации военно-народного управления Северным Кавказом в середине XIX в.

Примечания

1. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.
2. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992.
3. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 109–110.
4. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик, 1995. С. 41–42.
5. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период. С. 119.
6. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. С. 36–37.
7. *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ // Res Publica. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–23.
8. *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1994. С. 125.
9. *Битова Е.Г.* Политико-административная интеграция Российской империи с ее северо-кавказской периферией в XIX в. // Сборник научных трудов молодых ученых КБГУ. Нальчик, 1998. С. 40; *Битова Е.Г.* Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // RES PUBLIKA. Вып. 1. 2000. С. 174.
10. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басиат Шаханов / сост. Т.Ш. Битирова. Нальчик, 2007. С. 141, 149, 154.
11. *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007. С. 124.
12. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик, 2002. С. 276.
13. *Дышеков М.В.* К вопросу о роли традиционной элиты кабардинцев и балкарцев в местном самоуправлении (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник КБГУ. Вып. 12. Серия Гуманитарные науки. Нальчик, 2008. С. 65.
14. *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (На материалах Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 107.
15. *Кузьминов П.А.* Социальные и административные формы взаимодействия России и народов Северного Кавказа в 50–60-х годах XIX в. // Народы Северного Кавказа и Россия. Материалы Всероссийской научной конференции, к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией. Нальчик, 18 октября 2007–21 октября 2007 г. Нальчик, 2007. С. 172.
16. *Кушхов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных ... С. 24.
17. Там же. С. 27.
18. *Азикова Ю.М.* Кабардинская хаса в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 2009. № 8. С. 63–69.
19. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 102–104.
20. *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016. С. 43–44.
21. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. С. 53–56.
22. Там же. С. 80–86.
23. Там же. С. 36–46, 72–74.
24. УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 126 об.
25. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 21–23 об.
26. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 467. Л. 19 об.
27. Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–1 об.
28. Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7. Л. 26, 27, 30, 31, 33, 39 об., 42, 44 об., 45–45 об., 46, 48, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65; Антология памятников права народов Кавказа. Т. 16. Завершение Кавказской войны и формирование юридического пространства Российской империи на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2014. С. 367, 379.

TO A QUESTION OF CONTINUITY OF REPRESENTATIVE INSTITUTES OF KABARDIANS AND BALKARS IN THE 19th CENTURY

Prasolov Dmitry Nikolaevich, Candidate of History, Head of the Ethnology and Ethnography Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», dmprasolov@gmail.com

In article historiographic aspects problems of formation the people's assembly (the congress of entrusted) as representative institute of Kabardians and Balkars of XIX – the beginning of the 20th century are considered. The defining influence on scientific representation of this process of works of V.H. Kazharov and Zh.A. Kalmykov is revealed. Under their influence in literature the opinion on continuity between the hasa – feudal parliament of Kabarda, and the congress entrusted was approved. In view of absence in the previous historiography of the sufficient argument of this point of view, the data allowing to prove organizational continuity of representative institutes are provided in the present article, but at the same time to bring some specifications in an intepretation of activity of the people's assembly (the congress of entrusted) till the 70th of the XX century.

Keywords: Kabardians, Balkars, the Russian Empire, people's assembly, the congresses of entrusted, the hasa.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-52-57